

ИССЛЕДОВАНИЯ

Я. А. ПЕНЬКОВА

СЛАВЯНСКОЕ ПРЕДБУДУЩЕЕ И ЕГО ГРЕЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ В ПЕРЕВОДНЫХ ДРЕВНЕЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКАХ*

Предварительные замечания

В настоящей работе рассматриваются употребления так называемого *будущего сложного второго*, или *предбудущего*, перифразы вспомогательного бждж с л-причастием, в переводной древнецерковнославянской литературе в сопоставлении с греческими соответствиями. Приведем пример употребления этой конструкции в южнославянском переводе Диалогов Псевдо-Кесария по восточнославянскому списку XV в. и параллельный фрагмент греческого оригинала:

...И вѣроу обративъ разумъ, боудеши бг̃овидецъ толико, елико ѿстоупилъ еси вещнаго житiа и <u>настоупилъ боудеши на дх̃овное видѣние</u> [Диал., 427].	... πιστει ἐπιτρέψας τὴν κατανόησιν, ἔση θεόπτης τοσοῦτον, ὅσον ἀπέβης τῆς ὑλικῆς πολιτείας καὶ ἐπέβης πνευματικῆς 'будешь боговидец настолько, насколько отступил от земной жизни и <u>вступил в духовную</u> ' [PG 38, 1056] ¹ .
--	---

Особенности второго будущего в древнеславянских переводах с греческого не становились предметом отдельного исследования. Так, семантика этой перифразы в древнерусском языке описывалась преимущественно на материале оригинальных текстов, поскольку переводные источники, как правило, признавались менее надежными в этом отношении². Однако ис-

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 17-34-01061-ОГН «Славянское второе будущее в типологической перспективе».

¹ Здесь и далее даем ссылку на греческий источник только в том случае, если греческий текст отсутствует в издании славянского памятника.

² На недооценку переводной литературы в историко-литературных исследованиях Slavia Orthodoxa справедливо указывает Р. Пиккио [2003: 20–21]. Не менее

следование переводных текстов показало, что эти памятники могут рассказать о семантике и функционировании предбудущего даже больше, чем оригинальные, поскольку в древнеславянских переводах второе будущее почти никогда не соответствует полному структурному аналогу — греческому будущему перфекта, или будущему третьему (как его принято называть в грамматиках древнегреческого языка С. И. Соболевского [2000: 127, 131] и М. Н. Славянской [2003: 232]) — структуре, весьма архаичной и маргинальной в греческих текстах. Иными словами, употребления перифразы *бждж* + *л*-форма в славянских переводах почти никогда не калькируют соответствующие структуры в греческом и, следовательно, отражают прежде всего славянские особенности употребления. Таким образом, на основе греческо-славянских соответствий можно выявить те семантико-грамматические параметры, которые побуждали славянских книжников при переводе использовать конструкцию, структурно достаточно далеко отстоящую от оригинала, и тем самым точнее очертить семантический диапазон славянского второго будущего, а также коснуться вопроса о некоторых принципах, которыми руководствовался переводчик (сознательно или неосознанно) в сфере грамматической семантики глагола.

Как уже было сказано, предбудущее в славянских переводах с греческого специально не исследовалось. Однако ряд наблюдений, связанных с обсуждаемой проблематикой, все же можно найти в литературе. Ж. Леписье [Lépissier 1960], описывая второе будущее в старославянских и древнерусских церковнославянских памятниках, снабжает греческими параллелями многие из приводимых им примеров, однако подробный комментарий при этом отсутствует. В грамматике древнеболгарского языка И. Дуриданов [1991: 258] называет два типа соответствий перифразе *бждж* + *л*-причастие в преславских текстах: 1) греческий конъюнктив аориста от $\gamma\acute{\iota}\nu\omicron\mu\alpha\iota$ в сочетании с прилагательным ($\gamma\acute{\epsilon}\nu\epsilon\tau\alpha\iota\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\acute{\omicron}\varsigma$ — **отгъмладѣла бждетъ**³ (Мт. 24, 32)); 2) индикатив аориста ($\epsilon\acute{\iota}\ \gamma\epsilon\ \acute{\alpha}\rho\alpha\ \acute{\epsilon}\psi\epsilon\acute{\upsilon}\sigma\alpha\tau\omicron\ \acute{\omicron}\ \acute{\epsilon}\lambda\theta\acute{\omicron}\nu$ — **ѣда бждетъ сълъгалъ приходивыи** [Супр. 239, 25]). В работе Л. Тасевой и М. Йовчевой [1995] также указывается на два типа греческих соответствий славянскому второму будущему в южнославянском переводе Книги пророка Иезекииля (далее — Иезек.): индикатив аориста и греческий футурум. В статье [Пенькова 2014] предбудущее в древнерусском переводе Жития Андрея Юродивого (далее — ЖАЮ) описывается с опорой на особенности греческого оригинала.

Латинские соответствия славянской перифразе *бждж* + *л*-форма описаны З. Хауптовой [Haupová 2008] на материале Сорока гомилий Григория

важны славянские переводы и в лингвистических исследованиях, ср. рассмотренные случаи употребления второго будущего в древнерусском переводе Жития Андрея Юродивого, независимые от языка оригинала и при этом редкие или вовсе отсутствующие в непереводных древнерусских текстах [Пенькова 2014].

³ Этот же пример из Тырновского евангелия приведен в [Мирчева 2001: 146] со ссылкой на [Мирчев 1968: 357] так: бждеть омладѣла.

Великого. Помимо ожидаемой в латинском тексте формы *futurum exactum* — структурного эквивалента славянскому второму будущему, латинскими соответствиями являются также различные формы конъюнктива, конструкции с проспективно-модальным значением, такие как, например, активное футуральное причастие с глаголом *sum*, а также презенс, перфект, имперфект и даже плюсквамперфект.

У настоящего исследования несколько задач. Помимо чисто описательной и сопоставительной — установить диапазон греческих соответствий славянскому второму будущему и выявить сходства и различия между древнерусской традицией и южнославянской, — предпринимается попытка объяснить, почему и в каких контекстах славянские переводчики выбирали маргинальную в письменности форму второго будущего. Это позволяет дать ответ на вопрос, что нового греческие соответствия могут рассказать о семантике и грамматической природе славянского второго будущего.

В качестве материала настоящего исследования послужили, с одной стороны, домонгольские древнерусские переводы с греческого, описанные в монографии А. А. Пичхадзе [2011] и интергрированные в базу данных Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) (Пчела, История иудейской войны Иосифа Флавия (ИИВ), ЖАЮ, Александрия⁴), с другой стороны — южнославянские переводы в южно- и восточнославянских списках.

На основе данных НКРЯ был составлен полный список всех греческо-славянских соответствий в названных древнерусских переводах, составивший 23 примера. Для сопоставления с древнерусским списком был сформирован сопоставимый с ним по объему преславский список соответствий, насчитывающий 26 примеров. В преславский корпус вошли все релевантные контексты из Супрасльской рукописи (Супр.), Шестоднева Иоанна экзарха по сербскому списку 1263 г. (Шестоднев), Паренесиса Ефрема Сирина по среднеболгарскому списку 1353 г. (Ефр. Сир.), Книги пророка Иезекииля по среднеболгарскому списку кон. XIV в. (Иезек.).

Общий же корпус примеров на материале южнославянских переводов с греческого в 2 раза превысил *древнерусский* и насчитывает всего 51 соответствие. В него входят контексты из памятников южнославянского происхождения различной локализации переводов и самих списков. Тексты, примыкающие к преславской традиции, составляют среди них примерно половину (выделены полужирным): Синайская псалтырь (Син. пс.), Синайский евхологий (Син. евх.), Огласительные поучения Кирилла Иеруса-

⁴ Несмотря на то что Изборник 1076 г. (далее — Изб. 1076 г.) переведен не на Руси, он по ряду других показателей сближается с древнерусским переводным корпусом и включен в древнерусский подкорпус НКРЯ. Однако в настоящей работе Изб. 1076 г. рассматривается в группе памятников, связанных с южнославянской традицией. Примеры из Чудес Николы и Повести об Акире Премудром, входящих в древнерусский подкорпус НКРЯ, не учитываются, так как оригиналы к ним не установлены.

лимского (Кир. Иерус.), Христинопольский Апостол (Апост. Христ.), Изборник 1076 г. (Изб. 1076 г.), **Пандекты Антиоха** (Панд. Ант.), Синайский патерик (Патерик Син.), **Златоструй XII в.** (Златостр.), **Диалоги Псевдо-Кесария** (Диал.), **Книга Иова** (Кн. Иова), Февральская минея четья (Мин. Чет. Февр.), южнославянские переводы из **Успенского сборника (УС)**, Беседа о девстве свят. Василия Великого (*De virg.*). Обращение к такому широкому кругу источников оправдано, так как это позволяет не только сопоставить разные традиции и выявить общие принципы и различия, но и установить относительную частотность различных типов греческо-славянских соответствий.

Славянское второе будущее, или перфект в будущем, объединяет темпоральную и аспектуально-таксисную семантику (референция к будущему, результативность и предшествование), поэтому в греческом ожидаются структуры, специализирующиеся на передаче тех же грамматических значений: греческий футуральный перфект, собственно перфект, а также причастия перфекта или аориста и инфинитивные конструкции как средства выражения зависимого таксиса со значением предшествования. Однако результаты сравнения древнеславянских текстов с их греческими оригиналами дают существенно более пеструю и иногда даже неожиданную картину. Выделяются несколько типов славяно-греческих соответствий, которые можно разделить на две группы: **двухкомпонентные** — с отдельным соответствием для каждого элемента перифразы, как для вспомогательного *бждж*, так и для *л*-формы, и **однокомпонентные** — с одной словоформой в греческом, которая в славянском тексте передана перифразой *бждж* + *л*-причастие.

Неожиданно уже то, что однокомпонентные соответствия встречаются более чем в три раза чаще, чем двухкомпонентные: вторых в рассмотренных текстах всего 17 из 74, тогда как первых — 57.

Разновидности одно- и двухкомпонентных греческих соответствий славянскому второму будущему приведены в Таблице 1. В правом столбце указано количество таких соответствий в рассмотренных памятниках.

Рассмотрим сначала двухкомпонентные славяно-греческие соответствия, в которых славянское второе будущее в той или иной степени передает структурное подобие оригинала, затем — наиболее частотные однокомпонентные, наконец, частные и маргинальные.

1. Двухкомпонентные соответствия

1.1. Второе будущее как калька греческого футурального перфекта. Будущее перфекта образовывалось в классическом древнегреческом в активном залоге аналитически (с помощью вспомогательного глагола *εἶμι* в форме будущего и причастия перфекта) и синтетически — от медиально-пассивной основы перфекта прибавлением сигмы и первичных медиальных

Таблица 1

Двухкомпонентные	Количество	Однокомпонентные	Количество
Футуральный перфект	2	Аорист	32
Футурум от εῦρίσκω/ἔτσι и действительное причастие аориста/презенса	3	Перфект	4
Конъюнктив перфекта (аналитический)	4	Футурум	5
Конструкции с отглагольным именем (сущ./прил.)	8	Причастие аориста/перфекта	6
		Индикатив/конъюнктив презенса	4
		Имперфект	2
		Инфинитив аориста/презенса	4
Общее количество	17	Общее количество	57

окончаний, присоединяемых тематически⁵. В наших источниках встретились только аналитические формы и лишь дважды, при том как в южнославянских, так и восточнославянских переводах:

- (1) *аще ли противника имемъ, аще ли повѣгнѹтъ, срамъ соѣѣ вставляють на вса лѣта и поносъ. аще ли намъ ѡдолѣють, женамъ боудѹтъ ѡдолѣли [ἔσονται νενικηκότες]. влюди оубо, црю Алекса́ндре, да не тоже и тоѣѣ боудеть [Александрия, 97].*
- (2) *Въдан дъштеръ и боудеша съвършилъ [ἔση τετελεγκός] дѣло велико: и моужевн разоумнвоу въдан ѡж [(Сирах. VII, 27) Изб. 1076 г., 159 об.].*

Для греческого футурального перфекта наиболее типичным является обозначение не предшествования в будущем, а следования, некоторой ситуации в будущем как следствия другого будущего события [Matthiae 1837: 835; Saagounis 2004: 272]. Такое же употребление может быть характерно и для славянского второго будущего в аподосисе условной конструкции [Пенькова 2012; 2014; 2016; 2017]. Соответствующие примеры встречаются уже в старославянских текстах (Син. евх., Супр.), а также в Патерике Син., Повести об Акире Премудром, ЖАЮ и в приведенных выше примерах из Александрии и Изб. 1076 г. Только в двух последних

⁵ В среднегреческом, в отличие от классического древнегреческого, возможны также аналитические медиопассивные формы футурального перфекта [Blass et. al. 1990: 285].

случаях, процитированных выше, они имеют точное структурное соответствие в оригинале — греческий футуральный перфект. Тем самым очевидно, что древнеславянское второе будущее получило такое развитие независимо от греческого.

1.2. К рассмотренным в п. 1.1 структурно близки свободные синтаксические сочетания форм **футурума глаголов *εὕρισκο*** ‘обнаружить’ и *εἶμι* ‘быть’ в соединении с действительным причастием аориста или презенса. Такие соответствия встретились в южнославянских и восточнославянских переводах только три раза:

(3) Тогда еще [вместо: <u>еще</u>] кто <u>ѿ сѣхъ</u> <u>одва са</u> <u>будеть</u> <u>оуганлъ</u> в <u>пыстынахъ</u> (так!) <u>ѿ антихѣста</u> , <u>вса ты</u> <u>Гъ дѣомъ</u> <u>силы своеа</u> <u>въ сѣхъ</u> <u>градъ</u> <u>Снонъ</u> <u>свереть</u> [ЖАЮ, 5513–5515].	Τότε εἴ τις τῶν ἁγίων λαθῶν τῷ Ἀντιχρίστῳ εὕρεθήσεται ‘спрятавшийся от Антихриста, найдется ’ ἐν ἐρημίαις καὶ ἄπαντας αὐτοῦς ὁ Κύριος πνεύματι δυνάμεως αὐτοῦ ἐν τῇ ἁγίᾳ πόλει Σιών ἀθροίσει.
(4) <u>Аще</u> ли <u>хощеши</u> , <u>да предамъ</u> <u>кго дѣови</u> <u>нечнстѣ</u> , <u>будеть</u> <u>ходнаъ</u> <u>вѣсаса</u> [ЖАЮ, 3410–3411].	Ἐὰν δὲ θέλεις, παραδίδωμι αὐτὸν πνεύματι πονηρίας καὶ ἔσται περιήγων ‘ станет ходящий кругом ’ δαμονιζόμενος.
(5) <u>аще</u> ли <u>отъпалы</u> <u>бждѣтъ</u> , <u>то лютѣ</u> <u>пастыремъ</u> <u>будеть</u> , <u>аще</u> <u>ли</u> и <u>пастыри</u> <u>обращжтѣса</u> <u>отъпадѣше</u> [Панд. Ант., 277].	...ἐὰν δὲ εὕρεθῇ τινα ἐξ αὐτῶν διαλεπτοκότα ‘если же обнаружатся некоторые из них отпавшими ’, οὐαὶ τοῖς ποιμένοις ἔσται. Ἐὰν δὲ καὶ αὐτοὶ οἱ ποιμένες εὕρεθῶσιν διαλεπτοκότες ... ‘если же и сами пастыри обнаружатся отпавшими ...’ [PG 89, 1816].

В книжных древнерусских текстах достаточно употребительна конструкция с глаголом-связкой *быти* и действительным причастием настоящего времени, которая структурно в точности соответствует греческой в примере (4). Иными словами, в (4) можно было ожидать появления перифразы типа *будеть хода* (о таких конструкциях см. [Van Schooneveld 1959: 141–147; Петрухин 2016]). Приведем также пример на обратное соотношение (причастие перфекта в греческом и причастие настоящего времени в славянском тексте):

(6) Ἐγὼ ἔσομαι πεποιθὼς ἐπ’ αὐτῷ [Нб. 2, 13 NT] — Здесь, однако, причастие перфекта в значении презенса (см. об этом, например, [Blass et al. 1990, 279–280]).	<u>азъ</u> <u>будѣю</u> <u>надѣваса</u> <u>на нь</u> [Апост. Христ., 260].
--	--

По-видимому, можно говорить о возможности контекстной синонимии между славянскими конструкциями *бждж* + *л*-форма и *бждж* + действи-

тельное причастие презенса. Такая синонимия оказалась возможной, поскольку л-форма способна передавать качество. В (4) перед нами не столько прогрессив (ситуация, продолжающаяся в конкретном временном интервале), сколько наступление нового состояния или даже приобретение нового качества (ср. концепцию в [Плунгян, Урманчиева 2017], согласно которой л-форма в старославянском имела характеризационную, а не результативную семантику).

Кроме того, выбор в пользу л-формы, а не причастия презенса в древнерусском переводе мог быть связан с нежелательностью повтора одной и той же морфологической формы (*хода бѣсаса).

1.3. Аналитический, или перифрастический, конъюнктив перфекта передается вторым будущим как в южнославянских, так и в древнерусских переводах. Один из древнейших примеров, восходящих, по-видимому, еще к кирилло-мефодиевским традициям, содержится в Апост. Христ., то же чтение представлено в Охридском, Шишатовском и Апостоле Гильфердинга, ср.:

(7) и мѣтва вѣрна спсѣтъ волацаго, и исцѣлѣтъ и Гѣ, и аще грѣхы <u>будеть сътворишь</u> , <u>отдадѣтъся</u> емоу [Апост. Христ., Иак. 5, 15].	... καὶ ἡ εὐχὴ τῆς πίστεως σώσει τὸν κάμνοντα καὶ ἐγερεῖ αὐτὸν ὁ κύριος· κὰν ἁμαρτίας ἢ <u>πεποικῶς</u> ‘и если грехи <u>будет сделавший</u> ’, ἀφεθήσεται αὐτῷ [NT, Iac. 5, 15].
---	---

Эта же апостольская цитата с небольшими изменениями воспроизводится в Житии Епифания Кипрского (Ж. Епиф. Кипр.) в составе УС и переводится на славянский аналогичным способом:

(8) <u>Аще и грѣхы будеть</u> многы кѣто <u>сътворишь</u> , <u>оставатъся</u> кму [Ж. Епиф. Кипр., УС, 261].	κὰν ἁμαρτίας ἢ <u>τις</u> πλείστας <u>πεποικῶς</u> ‘и если грехи <u>будет</u> кто-либо <u>многие</u> <u>сделавший</u> ’, ἀφεθήσεται αὐτῷ [PG 41, 61].
--	---

Затем эта же формула проникает и в оригинальные древнерусские сочинения, ср. пример из Жития Феодосия Печерского (ЖФП):

(9) Аще и грѣхы будеть кѣто сътворишь, азъ имамъ о томъ прѣдъ вѣмъ ѿвѣщати [(ЖФП) УС, 129].

По одному примеру передачи греческого перифрастического конъюнктива перфекта славянской перифразой бждж + л-форма находим также в древнерусском переводе ИИВ и в южнославянском переводе Кн. Иова:

(10) <u>Аще же будета</u> ѿ вѣжанїи <u>мыслила</u> . то помалоу мѣчнѣти ѿ [ИИВ, 121].	ἐὰν δὲ μόνον ὧσιν δρασμὸν <u>βεβουλευμένοι</u> ‘если же только [букв.:] <u>будут</u> <u>задумавшие</u> побег’, κολλάειν μετρίωτερον.
---	--

(11) Птенци же его смѣшajúтсе въ крови, аще ли <u>БОУДУТЬ ОУМРЬЛИ</u> абѣе оживляюутсе [Кн. Иова 188а].	Νεοσσοὶ δὲ αὐτοῦ φύρονται ἐν αἵματι, οὗ δ' ἂν ὄσι τεθνεῶτες, παραχρῆμα εὐρίσκονται 'где будут умершие , немедленно [там] оказываются' [Sept, Job 39, 30].
---	--

По-видимому, греческо-славянское соответствие «конъюнктив перфекта — второе будущее» при частичном структурном подобии форм все же является в первую очередь функциональным: конъюнктив в греческом типичен в условных придаточных для передачи реального условия [Vlass et al. 1990: 301], то же характерно для славянского второго будущего [Кузнецов 2005/1953: 197–198; Горшкова, Хабургаев 1997: 316–319; Силина 1995: 401; Пенькова 2018].

1.4. Самое частотное двухкомпонентное соответствие славянской перифразе *бждж* + *л*-форма — **конструкции с отглагольным именем (всего 8 примеров)**. (К этому же типу мы также отнесли два случая, в которых глагольная форма отсутствует в греческом, так как основное значение всегда передает именная форма.)

(12) <u>БЫС</u> копѣнникъ неповѣдимыи, стрѣлецъ оумчливъ... <u>превы(с)</u> емоу вазнь блгаа, и по всѣмъ бранемъ неповеженъ <u>вы(с)</u> . <u>развѣ</u> аще воеводы его <u>НЕ ПОСЛУШАЛИ</u> его <u>БОУДОУТЬ</u> . и <u>ОУСТРАШИЛСЯ</u> . '...пребывала с ним удача, во всех битвах непобедим был, разве только если окажется, что воеводы его не послушали и испугались' [ИИВ, 106].	...καὶ γὰρ σπάνιον ἔπαισεν ἐν πολέμῳ καὶ τῶν πταισμάτων οὐκ αὐτὸς αἴτιος, ἀλλ' ἢ προδοσίᾳ τινῶν ἢ προπτείᾳ στρατιωτῶν ἐγένετο. 'и редко проигрывал сражения, и виновником ошибок не сам становился , но или из-за предательства кого-либо, или из-за опрометчивости воевод'.
(13) да изиди үже да посѣтиши, ега (так! вместо: еда) како <u>пригорѣло</u> <u>бѣдетъ</u> да начнетъ смѣрдѣти, а <u>церковь</u> <u>товѣ</u> <u>не оубѣжитъ</u> <u>ѡсюдѣ</u> ⁶ [ЖАЮ, 1375–1377].	Ἐξέλτε οὖν καὶ θέασαι μή πως καῦσιν λεποίηκεν 'не загорелось ли [букв.: не делало(сь) ли каким-нибудь образом горение]', δυσωδίαν ἐπισπασάμενον. Οὐ γὰρ μὴ ἐπιδράση ἡ ἐκκλησία τῶν ἐνθάδε.
(14) <u>дрүзѣи</u> <u>гл҃хү</u> : кто <u>вѣсть</u> , аще ли <u>оустрабилса</u> <u>бүдетъ</u> да плачетса <u>свока</u> <u>лишены</u> <u>части</u> ? '... «кто знает, возможно, [он — св. Андрей] пришел в себя и оплакивает	Ἄλλοι ἔλεγον “Τίς οἶδεν εἰ ἄρα εἰς νήψιν γενόμενος τὴν ἑαυτοῦ ἀποδύρεται τύχην;” ‘кто знает, оплакивает ли он, оказавшись в трезвости , свою участь?’

⁶ Испытание Епифания одним из злых духов.

свою несчастную судьбу? [ЖАЮ, 2592–2593].	
(15) Всего ради доньдеже к младѣ, оудавихъ и, да и тѣ спсѣтъ сѧ и дѣло оца кго да не <u>БОУДЕТЬ</u> <u>ОСКЖДѢЛО</u> [Патерик Син., 380].	διὰ τοῦτο ὡς ἦν τρυφερὸν ἀπέπνιξα αὐτῷ ἵνα κάκεῖνος ὠθεῖ καὶ τὸ ἔργον τοῦ πατρὸς αὐτοῦ μεῖνῃ ἀνεπίληπτον (вар.: ἀνυπόλειπτον) ‘чтобы... дело его отца осталось безупречным ’ [Смирнов, 293].
(16) да занеже не бѣдетъ в то время мѡжа добра нѣ вси <u>БѢДУЮТЬ</u> <u>ПОГЫБЛИ</u> [ЖАЮ, 5316–5317].	Διὰ δὲ τὸ μὴ εἶναι κατὰ χρεῖαν τῷ καιρῷ ἄνδρα ἐπίσημον, ἀλλὰ πάντας ἀπωλείας ‘но все погибшие [букв.: погибели]’.
(17) ти тако се коньчатъ стража, таковы(и) [журавль] въ сѣнѣ се прѣдастъ, а иже <u>БОУДЕТЬ</u> <u>ПРѢМѢНИЛЪ</u>, то такоже и онъ стрѣгъ естъ, такоже и сѣи того [Шестоднев, V, 149].	...εἶτα, τοῦ καιροῦ τῆς φυλακῆς πληρουμένου, ἡ μὲν βοήσασα πρὸς ὕπνον ἐτρέπετο, ἡ δὲ, τὴν διαδοχὴν ὑποδεξαμένη , ‘тот, который перенял очередность ’ ἧς ἔτυχεν ἀσφαλείας ἀντέδωκεν ἐν τῷ μέρει.
(18) высходящю во снѣцю тѣгда, кгда луна <u>БОУДЕТЬ</u> <u>ИСПЛЪНИЛА</u> <u>СЕ</u> <u>СВѢТА</u>, сѣходитъ и не бѣдетъ видѣти луны [Шестоднев, IV, 295].	Ἀνατέλλοντος μὲν γὰρ τοῦ ἡλίου, ἐν ταῖς πανσελήνοις καταφέρεται πρὸς τὸ ἀφανὲς ἡ σελήνη ‘когда восходит солнце, при полнолунии луна заходит, и ее перестает быть видно’.
(19) Тако во молѣше бѣ вынж дати еи отпушчѣнїе грѣховъ, <u>иже</u> створила кст (так!), и показати еи знаменїе, <u>аще</u> мѣтѣж <u>еж</u> <u>прїицѣль</u> <u>бѣдетъ</u> <u>бѣ</u>. и се нынѣ <u>мѣтѣвами</u> <u>еж</u> <u>члѣколювецъ</u> <u>ицѣленїа</u> <u>сѣтварѣтъ</u>. [Ефр. Сир. II, 313].	Τοιαύτη γὰρ ὑπομονὴ καὶ σπουδῆ καὶ ἀγωνία ἀπαραλείπτως προσῆει τῷ θεῷ αἰτουμένη τεκμήριον, εἴτερ προσδέκτη (так!) γέγονεν ἢ μετάνοια αὐτῆς ‘ принято ли было ее покаяние’.

На славяно-греческие соответствия типа *второе будущее* — *конъюнктив аориста* от ἴνωμα + *прилагательное* в текстах преславской традиции в свое время обратил внимание И. Дуриданов [1991: 258]. Мы отнесли к этому типу не только конструкции с ἴνωμα, но и с другими глаголами — ποιέω, μένω, ὑποδέχομαι (в отвлечении от их конкретных форм). Целесообразность рассматривать такие конструкции как единый тип можно обосновать тем, что все они свидетельствуют об одном категориальном статусе л-формы в составе перифразы: ее тесной связи с именными категориями — как в древнерусском, так и в древнеболгарском языках X–XII вв.⁷ Приве-

⁷ По-видимому, атрибутивностью и характеристической семантикой л-формы объясняется также залоговое несоответствие в (17) и (19). Возможность атрибутивной интерпретации л-форм в древнеславянских памятниках обосновывается в работе [Скачедубова 2016], ср. пример из Изборника 1073 г., приводимый в на-

денные примеры показывают, что переводы такого типа (в том числе при $\gamma\iota\nu\omicron\mu\alpha\iota$ в греческом) вовсе не являются исключительно преславской чертой, так как характерны не только для переводов, связанных с преславской традицией (Шестоднев, Ефр. Сир.), но и для древнерусских (ЖАЮ и ИИВ).

2. Однокомпонентные соответствия

2.1. Индикатив и конъюнктив аориста. Одним из наиболее неожиданных и при этом наиболее частотных греческих соответствий славянскому второму будущему является греческий индикатив аориста: всего 27 примеров⁸. Случаев передачи конъюнктива аориста с помощью второго будущего на этом фоне значительно меньше — 5. Примеры греческо-славянских соответствий *аорист* — *второе будущее* встречаются уже в Супр.:

(20) аште на то створимъ, Владыкы подражали бждѣмъ [Супр. 379, 11].	Κἂν μὲν τοῦτο χρῆσόμεθα, τὸν Δεσ- πότην ἐξηλώσαμεν.
--	--

Соответствие *аорист* — *второе будущее* также не является исключительно преславской чертой. Находим такой способ перевода как в южно-славянских, так и в древнерусских источниках. К первым относятся Супр., Кир. Иерус., Изб. 1076 г., Ефр. Сир., Шестоднев, Златостр. XII в., ко вторым — Пчела, ИИВ, ЖАЮ.

Ответ на вопрос, почему греческий аорист является довольно регулярным соответствием славянского второго будущего, следует искать прежде всего в различиях между греческим и славянским аористами, в существовании некоторой семантической зоны или зон, в которых было типично употребление аориста в греческом и невозможен аорист славянский. В этом случае, однако, требует дополнительного объяснения, почему переводчики не использовали, к примеру, славянский перфект, а употребляли именно второе будущее — довольно маргинальную в узусе конструкцию. Судя по всему, в греческих клаузах славянский переводчик видел некоторые *сигналы*, указывающие на необходимость или предпочтительность употребить именно перифразу *бждж* + *л*-форма.

2.1.1. Одним из типов контекстов, в которых аорист переводится славянским вторым будущим, являются футуральные контексты (так назы-

званной статье со ссылкой на А. А. Потебню, с одним глаголом-связкой при *л*-причастии и однородных с ним прилагательных: **аште бждеть кѣто старъ или немоштѣнъ и отънемогъса...** [Там же: 82].

⁸ В [Пенькова 2015] указывается еще несколько случаев, в которых формы греческого аориста индикатива в соединении с $\epsilon\sigma\tau\omega$ переводятся в славянских текстах с помощью редкой конструкции *буди* (императив) + *л*-форма, формально и семантически близкой славянскому предбудущему.

ваемый аорист *pro futuro*, см. пример 20 выше). Такое употребление типично для греческого аориста [Blass et al. 1990: 273], но нехарактерно для аориста славянского, ср.:

(21) Да не смотримъ, како не мочени ксмы, но ѡ семъ лѣпо смотрити, аще не съгрѣшили бѹдемъ [Пчела, 237].	Μῆ τοίνυν ἴδωμεν, ὅτι οὐ κολαζόμεθα, ἀλλ' εἰ μὴ ἡμάρτομεν 'но чтобы [мы] не согрешили'.
--	---

В этой же функции может употребляться и греческий *конъюнктив аориста* [Ibid.: 293]:

(22) Ти все сик игри, рекше, житие се и сласти, акы поводнь мимо не сечеть, и слава та акы въ снѣ бѹдетъ была [Шестоднев, III, 231].	... πᾶσαν τὴν κατ' αὐτὸν σκητὴν ἐξαλίτης ἀπογυμνώσασα, καὶ ἡ δόξα ἐκείνη ὡσπερ ἐνύπνιον ἀπηλέγχθη 'и слава та, как пригрезившееся, будет разоблачена'.
--	--

Славянская глагольная система не имеет прямого соответствия греческому конъюнктиву аориста, и перевод с помощью перифразы *бждж + л-форма* не случаен — он свидетельствует о связи второго будущего с ирреалисом и косвенными наклонениями (см. также [Пенькова 2014; 2016]).

2.1.2. Еще одной сферой функционирования греческого аориста, главным образом *конъюнктива аориста*, менее типичной для его древнерусского аналога и, напротив, основной для второго будущего, является реальный *условный протазис*, обозначение потенциального условия:

(23) аще же бѹдеѡ не промыслиаѡ оугоднаа вамъ, да вынесѡ принесеннаа и расхитите, что кто мѹжетъ [ИИВ, 200].	εἰ μὴ καλῶς ὑμῖν ἐβουλευσάμην 'если не доброе я задумал', κολάζετε τὸν εὐεργέτην.
(24) Поужда нъ (так!) естъ ѹбо, како же и заблѹждышен поутъници аще бѹдоутъ чего забылі добра, то аще и много бѹдоутъ оуспѣли пѹти, то пакы тоужде въспеть се взвратетъ [Шестоднев, V, 123].	Ἀνάγκη τοίνυν, κατὰ τοὺς ἐπιλήσμονας τῶν ὁδοιπόρων, οἳ, ἐπειδὴν τι τῶν καιρίων καταλίπωσι, 'если что-нибудь временное оставили' κἂν ἐπιπολὺ τῆς ὁδοῦ προέλθωσι 'и если большой путь прошли', πάλιν τὴν αὐτὴν ὑποστρέφουσιν.
(25) Ни лоукавыи погубитъ мъзды, аже что бѹдетъ (добро) створилъ, ни блгыи оуидеть мѹченыа, аже что бѹдетъ зло сътворилъ, вса во Бѣ мѹроу и вѣсомъ въздакть [Пчела, 300–301].	οὐκ ἔστι παρὰ Θεοῦ οὔτε πονηρὸν ὄντα ἀπολέσαι τὸν ἄγαθὸν μισθὸν περὶ ἑνὸς ἀγαθοῦ μετὰ πλειόνων κακῶν πεπραγμένου ὅτε πάλιν ἀγαθὸν ὄντα ἀπολέσαι τὴν κόλασιν καὶ μὴ λαβεῖν αὐτὴν ἢ μετὰ πλειόνων ἀγαθῶν, ἐάν τι γένηται πονηρὸν 'если что-либо делается злое' ἀνάγκη γὰρ σταθμῶ καὶ ζυγῶ πάντα ἀποδοῦναι τ(ὸν) Θε(όν).

2.1.3. Диахронически и семантически близки к условным такие **относительные придаточные**, в которых речь идет не о конкретной локализованной во времени ситуации с конкретно-референтным субъектом, но о «типовой» (26), множественной (27, 28) или дистрибутивной (29). Перевод греческого аориста славянским вторым будущим в таких относительных придаточных объясняется, по-видимому, общей гипотетичностью и нефактивностью ситуаций:

(26) Горе лѣнивиѹмоу, искати во (так!) имать тѣгда, иже <u>вѹдетъ</u> зѣлѣ и згоуѹбилъ, нѣ не обратиеть кго [(Наказание Исихия) Изб. 1076 г., 79 об.].	Οὐαὶ τῷ ῥαθύμῳ· ζητήσει γὰρ τὸν καιρὸν, ὃν κακῶς ἐδαπάνησεν ‘будет искать время, которое впустую истратил ’.
(27) Тако во та и вес послоухъ обличить и безъ указаниа исповѣсть съвѣдоущиа же съвѣдетель и съдѣялъ еси, и еже глѣлъ <u>воудеши</u> славостию [Златоуст., 160].	Καὶ ἄνευ ἀποδείξεως ὁμολογήσης ἐπιγνώσκων ἃ ἔπραξας, καὶ ὄσα ἐλάλησας ἐξ ἀπροσεξίας ‘и что ты говорил по неосторожности’ [PG 88, 1941].
(28) Лааніе вѣсовское прѣображаеть напасти и въписоуетъ въ помыслѣ твоемъ доброты женьскыж, <u>еже нѣкогда видѣл</u> <u>бжеши</u> [Ефр. Сир. II, 49].	Ὅταν οὖν ἄρχεται ὁ δαίμων μορφοῦσαι τὸν πειρασμὸν καὶ διαγράφειν ἐν τῇ διανοίᾳ σου κάλλος γυναικὸς, ἧς ποτε ἐθέασω ‘ которую когда-либо видел ’.
(29) елико ихъ не покалоса <u>вѹдетъ</u>, вѣчному огневи прѣдани <u>вѹдоутъ</u> [ЖАЮ, 5813–5816].	ὅσοι οὐ μετεμελήθησαν ‘ сколько не покаялись ’, τῷ αἰώνιῳ πυρὶ παραδοθήσονται.

2.1.4. Остальные случаи перевода греческого аориста вторым будущим, связанные с маркированием единичного события плана прошлого, типичны и для славянского аориста. Попробуем предложить возможные объяснения и для таких случаев.

Для славянского переводчика еще одним сигналом к возможности использования перифразы *бждж* + *л*-форма могли быть также греческие **модальные частицы**, такие как *ἄρα* ‘разве, неужели’ и *ἄρα* ‘возможно’ (иногда смешиваемые в греческих средневековых рукописях), *ἄν* ‘пожалуй, может быть’, *ἴσως* ‘может быть, пожалуй, вероятно’. О типичных славянских соответствиях греческой частице *ἄν* — *аще* и *убо* — подробно писала Э. Благова [Bláhová 2012]. Однако в примере 30 мы не находим ни одного из названных соответствий, но при этом обнаруживаем форму второго будущего в соответствии с греческим аористом:

- (30) **...и не бывшю прокуженію акы прокоуженіе сътвори(въ) по правдѣ соудит сѧ. В немже оуже и та ѡ блѹдѣ не въ кривиноу клеветаемѧ с нимъ вѣрощетьсѧ. Как оубо вѣроуемъ еи тако штринѹгла воуде**

прокоуженіа ѡт блѡуднаго того приносимою ѡзвоу [πῶς γὰρ πιστεύομεν αὐτῇ, ὅτι ἀλώσατο ἄν τὴν τῆς φθορᾶς... πληγὴν ‘что [она] отвергла бы удар растления’], не пришедшо в ружию? ‘и если не было осквернения, (он) судится, как если бы оно действительно было. Поэтому и та (женщина) окажется с ним не несправедливо обвиняемой, ибо как мы можем верить ей, что она **бы отвергла** вызываемую тем блудным язву скверны, если (тогда) не было средств (к совершению греха)?’ [De Virg.: 76–77] — пример из [Lépillier 1960: 90–100].

Приведенный славянский фрагмент хорошо соответствует греческому оригиналу: ὅτι ἀλώσατο ἄν τὴν τῆς φθορᾶς... πληγὴν — **ѡтѡрннѡла боуде прокоуженіа... ѡзвоу**. Непереведенной осталась только модальная частица. Не следует ли в этом случае предположить здесь особое переводческое решение: передачу греческой конструкции *аорист + модальная частица* с помощью славянского второго будущего (а не, к примеру, сослагательного *бы + л-форма*)? Основанием к такому сближению мог быть тот факт, что частица ἄν зачастую употребляется в условных придаточных, а условный протазис — это одна из основных сфер употребления славянского второго будущего (разбор фрагмента см. также в [Пенькова 2017]).

Приведем примеры с вопросительной частицей ἄρα ‘разве, неужели’, которая служит сигналом к использованию перифразы *бждж + л-форма* чаще, чем частица ἄν:

(31) Тма бѣ, рече, надѣ бездѣннимь. Да боуде ли, реч(е)ши, тму Бѣ створи на? ‘разве же тму, говоришь, Бог сотворил?’ [Шестоднев, I, 103].	Σκότος ἦν, φησὶν, ἐπάνω τῆς ἀβύσσου. ἄρα οὐκ σκότος, φησὶν, ὁ Θεὸς ἐποίησεν ‘неужели же тму... Бог сотворил?’;
(32) Нѣ да никѣтоже не помышляеть три речеть: чѣто три оубо въшьдѣ Хсъ створи? буде ли си увѣщала оца? буде ли си милостна створи на кѣ намъ? [(Слово на сошествие Св. Духа) УС, 453].	Ἵνα γὰρ μηδεὶς ἀμφιβάλλῃ, καὶ διαπορῇ τί ποτε ἄρα ἄν ἀνελθὼν ὁ Χριστὸς ἐποίησεν. ἄρα κατήλλαξε τὸν Πατέρα; ἄρα ἴλεωσεν αὐτὸν εἰργάσατο; ‘разве [Он] примирил [с нами] Отца? разве милостивым Его сделал?’ [PG, 50, 456].
(33) въпросъ: Бѡудѡуть ли си вси · съпадажцесѡ или съ стѣны · или съ конѡ или оутѡпажште или повнѡ(к)ми вѣжикмь гнѣвъмь или хотѣнникмь тоу страсть прила(ѣ) или отѣ зависти и дѣствия сотонна боудеть? [Изб. 1076 г., I, 518].	ἄρα δὲ ὅτι πάντες οἱ κρημιζόμενοι ἢ ποντιζόμενοι ἢ καταχωννύμενοι κατὰ θεῖαν θέλησιν καὶ πρόσταξιν πάσχουσιν, ἢ ἐξ ἐνεργείας τοῦ μισοκάλου; ‘возможно ли, что все разбивающиеся о землю... по Божией воле и приказанию страдают?’ [Изб. 1076 г., II, 60].

Обычным славянским эквивалентом ἄρα является вопросительная частица *ли*, как в примерах 32–33. Однако в (31) греческой ἄра соответствует

другая модальная частица — **да** [СлРЯ XI–XVII вв. IV, 164]. Встречаются и случаи, в которых модальная частица в греческом оригинале не имеет структурного соответствия в славянском переводе, и предположительная модальность передается только конструкцией *бждж* + *л*-форма (ср. выше в (30) — аналогичный случай с частицей *ѡν*). Таков, например, контекст из Супр.:

(34) ѡда бждетъ сьльггалъ приходи- выи. почто ми гнѣвити ѡзыкъ старци? ‘вдруг окажется, что при- ходивший солгал, зачем же мне гневить старика?’ [Супр. 239, 25].	Εἰ γε ᾗρα ἐψεύσατο ὁ ἐλθὼν ‘если же, возможно, солгал приходивший’, τί τέως καθ’ ἑαυτῆς ἐρετίζω τὴν γλῶτταν τοῦ γέροντος;
--	---

Примеры с другими греческими частицами ἴσως и ᾗρα также распадаются на два типа: в одних частица остается непереуведенной, а предположительная модальность передается только конструкцией *бждж* + *л*-форма (35, 38), в других — частица переведена славянским эквивалентом (36, 37, 39). Кроме того, приводим также примеры, в которых в греческом употреблен не только аорист, но и индикатив презенса, перфекта или причастие аориста:

(35) чесо цѣща, словеси текѡщи, на- прасно помлъчахъ годъ немалъ, боудѡтъ се и чоудили мнози, нѣ иже люботроудьници въ послоу- шающихъ, то вѣдетъ вины по- млъчанню [Шестоднев, V, 121].	Τίνος ἔνεκεν, τοῦ λόγου τρέχοντος ἄθρόως, ἀπεσιώπητα χρόνον οὐκ ὀλίγον, ἴσως θαυμάζουσιν οἱ πολλοί ‘возмо- жно, многие удивятся [букв.: удив- ляются]’.
(36) Идоша оубо зъватъ ка она же не послоуша почювъши то дѣло кда бо гавило са боудетъ еѡ ради повлѣкоша ю оубо ноужею [Жи- тие Пахомия, УС, 212]	ἄπῆλθον αὐτῇ φωνῆσαι αὐτῇ οὐχ ὕπῆκουσεν, ἴσως αἰσθομένη τοῦ πράγματος, ἢ καὶ ἀποκαλυφθεῖσα . ‘ве- роятно, почувствовала, что разобла- чена ’ [Butler, 99].
(37) гѡлаху к себе: что се бысѣ вѣшену сему да пришелъ ксть сѣмо? да дрүзѣи гѡлаху: нѣ ославило кми будетъ понѣ мало иже в немъ ксть нечѣстыи дхѣ ‘...а другие говорили: «возможно, ему стало легче хотя бы немного от нечис- того духа, который в нем»’ [ЖАЮ, 2330–2334] ⁹πρὸς ἀλλήλους ἐφθέγγοντο “Τί ᾗρα ἐγένετο τῷ δαιμονιώδει τούτῳ, ὅτι ἐνταῦθα ἐλήλυθε;” Καὶ τινες ἔλεγον “ ἴσως ἀνέθηκεν ἐν βραχεῖ ἀπὸ τοῦ ἐπηρεάζοντος αὐτὸν πονηροῦ πνεύματος” ‘ возможно, ему стало легче [букв.: отложило] немного от мучающего его злого духа’.
(38) Гѡла жена моужю: велиши ли, гѡ мон, да идж, гамо же рече раз-	Κελεύεις, κύριέ μου, ἀπέρχομαι ὅπου ἡμῖνευσεν ἡμῖν ὁ ληστής καὶ βλέπω εἰ

⁹ Модальная частица ἴσως соответствует здесь древнерусской модальной частице *нѣ*. О частице *нѣ* см. [СлРЯ: XI, 9].

<p>БОИНИКЪ, АЩЕ БОУДЕ ИСТИНЬСТВО-ВАЛЪ [Патерик Син., 309].</p>	<p>ἄρα ἠλήθευσεν (вар. ἀληθῆ ἦ) ‘и посмотрю, правду ли сказал [разбойник]’ [PG 87, 3069].</p>
<p>(39) ДРУЗЪБИ ГЛ҃ХУ: КТО ВѢСТЬ, АЩЕ ЛИ ОУСТРАВИЛСА БУДЕТЬ ДА ПЛАЧЕТСА СВОКІА ЛИШЕНЫ ЧАСТИ? ‘другие говорили: «Кто знает, возможно, [он — св. Андрей] пришел в себя и оплакивает свою несчастную участь?»’ [ЖАЮ, 2592–2593].</p>	<p>Ἄλλοι ἔλεγον “Τίς οἶδεν εἰ ἄρα εἰς νῆψιν γενόμενος τὴν ἑαυτοῦ ἀποδύρεται τύχην;” ‘кто знает, не оплакивает ли он, оказавшись в трезвости, свою участь?’</p>

Вся совокупность такого рода примеров из самых разных источников позволяет говорить о том, что модальные частицы в греческом определенно служили сигналом к тому, чтобы употребить перифразу *бждж* + *л*-форма. Тем самым подтверждается вывод о том, что второе будущее было средством выражения значений эпистемической модальности.

Заметим, что контексты, в которых греческие сочетания *модальная частица* + *глагольная форма* переданы исключительно модальной перифразой *бждж* + *л*-форма без использования модальных частиц находим только в южнославянских переводах, для оригинальных древнерусских переводов данная особенность, по-видимому, была нехарактерна.

2.1.5. Наконец, в древнеславянских памятниках обнаруживаются случаи, в которых предложенные выше объяснения на первый взгляд не работают:

<p>(40) а БОУДЕ о иномъ исаниа ГЛАЛЪ, нѣ слыши и самого сего Павла сице ГЛѢЩА... [Шестоднев, V, 245].</p>	<p>καὶ περὶ ἄλλου εἶπεν Ἰσαίας ‘и о другом сказал Исаия’. Ἀλλ’ ἄκουε ταῦτα Παύλου τοῦ τῶν προφητῶν ἀδελφοῦ καὶ ἐρμηνέως λέγοντος...</p>
<p>(41) ВИДѢЛИ БОУДЕТЕ ДЪСКИ ЛЕДНЫ ПО МОРЮ ПЛОВОУЩЕ И ВРЪХОУ НИХЪ СНѢГЪ ЛЕЖЕЩЪ? [Шестоднев, IV, 421]</p>	<p>εἶδες πλάκας ἀπὸ ὕδατος βασταζομένας ‘видел ли ты плиты, поднимающиеся от воды’, καὶ ἄνωθεν φερούσας;</p>
<p>(42) Въ сихъ поучанса и рци: како оубо прѣиде ноцъ сна? Бждж ли что внатрѣ приобрѣль купли моеей? или оумъ мой БДѢЛЬ ВЖДЕТСЯ ТѢЛОМЪ МОИМЪ? Или плакастѣся очи мои? еда низложено быс колѣнома монма кланѣниѣ? Еда наидошж ми помысли скврѣнии и всласть поучниуса въ нихъ? [Ефр. Сир., 72–74].</p>	<p>πρωίας δὲ πάλιν μελέτησον καὶ εἶπέ πῶς ἄρα παρήλθεν ἡ νύξ αὔνη; ἐκέρδησα ἐν αὐτῇ τὴν ἐμπορίαν μου; ‘выиграло ли дело мое?’ ἐγρηγόρησεν ἄρα ὁ νοῦς μου μετὰ τοῦ σώματος; ‘бодрствовал ли ум мой с телом?’ ἐδάκρυσαν οἱ ὀφθαλμοί μου; μὴ κατενέχθην ὑπὸ εἰς τὴν γονυκλισίαν; μὴ ἐπελθόν μοι λογισμοὶ πονηροὶ καὶ ἡδέως αὐτοῦς ἐμελέτησα;</p>

<p>(43) ДА ДОНЕЛѢЖЕ БѢДАШЕ ТАМО СѢАІА БЦА. ВИДИСТЕ И ТА. А ПОНЕЛѢЖЕ ѠИДЕ. БОЛЕ ТОГО НЕ ВИДИСТЕ. ВЗЛАЛА БО ВУДЕТЬ СО СОБОЮ. А БЛАДѢ ОСТАВИЛА ЕСТЬ С҃УЩИМЪ ТАМО. ‘...а после того как ушла (Богородица), (люди) больше этого (покрова) не видели, так как, вероятно, она подняла его с собою’ [ЖАЮ, 5038–5041].</p>	<p>μέχρις οὖν ἣν ἐκεῖ ἡ Παναγία Θεοτόκος ἐβλέλετο κάκεινοις, μετὰ δὲ τὸ ἀναχωρῆσαι αὐτὴν οὐκέτι ἐθεάσαντο, πάντως γὰρ ὅτι ἦρεν αὐτὸ μεθ’ ἑαυτῆς, τὴν δὲ χάριν ἀφῆκε τοῖς οὖσιν αὐτοῖς ἐκεῖ ‘очевидно, потому, что она подняла его [покров] с собою’.</p>
--	---

Употребление второго будущего в соответствии с греческим аористом в (40) вызвано, очевидно, общим контекстом противопоставления ситуаций в двух соседних клаузах и условной семантикой при отсутствии специальных условных союзов.

Рассмотрим теперь пример (42): предбудущее здесь употреблено в одном ряду с аористами, при этом в тексте греческого оригинала, в отличие от славянского, в аористный ряд не вклиниваются другие формы. Почему же в славянском переводе не все греческие аористы переданы с помощью их славянских структурных соответствий? Одно из возможных объяснений связано с типами предикатов: **приобрѣлъ** все же обозначает не только тот факт, что ситуация имела место в прошлом (как в случае с **плакастѣся, наидоша**). Такое употребление можно рассматривать как *характеризующий перфект*: ситуация в прошлом предстает характеристикой субъекта в настоящем (о перфекте *характеризующем, общефактическом* и *интерпретационном* в старославянском см. [Плунгян, Урманчиева 2017]). Однако это объяснение не дает ответа на вопрос, почему употреблен не просто перфект, а именно перфект будущего — конструкция *бждж* + *л*-форма.

Другое возможное объяснение связано с модальной природой перифразы [Пенькова 2016; 2017]. Прямая речь в примере (42) открывается *частным* вопросом, содержащим форму аориста (**како ѱбо пренде ноць сиа?**). Но уже со второго вопроса (**Бждж ли что внатрь приобрѣлъ купли моей?**) начинается серия *общих* вопросов, которые имплицитно — благодаря употреблению перифразы *бждж* + *л*-форма — передают сомнение (дубитативность) или даже отрицание: ~‘на самом деле я ничего не приобрел, ум мой не бодрствовал’ и т. д. Два общих вопроса при этом задают тональность всему пассажи, так что предположительная модальность или даже имплицитное отрицание затем индуктивно распространяется и на последующие аористные формы. Согласно работе [Сичинава 2008: 258–259], для плюсквамперфекта как дискурсивного маркера интродукции также характерно подобное *индуктивное* употребление («цепная реакция», при которой плюсквамперфект «заряжает» своими семантиками претерит).

Контекст общего вопроса, по-видимому, так же как и условный протасис, мог служить для переводчика сигналом к смене модальности, ср. вы-

ше примеры (30)—(33), (39) со вторым будущим в общем вопросе. Контекстом общего вопроса можно объяснить и употребление второго будущего в соответствии с греческим аористом и в (41).

К примеру (42) близок (43) из ЖАЮ, где перфект и второе будущее также прерывают цепочку простых претеритов (см. также [Пенькова 2014]), тогда как в греческом этого не происходит. В (43) нарратив сменяется комментарием, предлагается интерпретация, объяснение происходящего — того, почему покров Богородицы перестал быть виден; ср. такие маркеры смены типа дискурса, как **понаѣже, во**. Этим, видимо, и вызвано появление в переводе форм перфекта и второго будущего. Различия же между собственно перфектом и футуральным перфектом здесь связаны с презумптивным ('вероятно, должно быть') значением последнего (описываемая вторым будущим ситуация недоступна для прямого наблюдения говорящего, который может лишь предполагать, но не утверждать; подробно об этом фрагменте из ЖАЮ и о модальном употреблении второго будущего см. [Пенькова 2014]).

На основании рассмотренных примеров можно обобщить те *особые* признаки в греческих клаузах, которые могли послужить для славянского переводчика сигналами к тому, что следует или предпочтительно употребить перифразу *бждж + л-форма* и, соответственно, менее предпочтительно или вовсе невозможно — аорист. Такими маркерами могли служить: футуральный контекст (референция к будущему), условный союз, относительное придаточное с условной семантикой, контекст общего вопроса, модальные частицы. Большинство этих типовых ситуаций связаны с контекстом снятой утвердительности.

2.2. Индикатив перфекта — менее типичное греческое соответствие, нежели аорист, — встретился только в 4-х примерах из южнославянских и древнерусских переводов (УС, Ефр. Сир. и ЖАЮ), а также 1 раз в конструкции с именем существительным (см. пример (13), рассмотренный в п. 1.4):

(44) Купите севѣ си. Ёще <u>понтѣ</u> мало нѣ како <u>остало</u> <u>будеть</u> часъ, тыцѣте [(Сл. Ио. Злат.) УС, 323].	...Αγοράσατε. ἔτι κἄν μικρά τις ὑπόλειπται ὄρα, δράμετε 'если еще немного времени осталось , поспешите' [PG, 59, 529].
(45) овици ма, аче ти ксѣ невѣрентъ, ако пришелъ ксѣ отан и <u>оукралъ</u> <u>буду</u> ѿ плода сего нѣ что 'обыщи меня, если я вызываю недоверие [в том], что я пришел тайно и украл какой-нибудь из этих плодов' [ЖАЮ, 2423–2425].	Εἰ ἄρα τινὰ ὑπόληψιν ἔχεις, καθ' ὅτι λεληθότως σεσύληκα τοῦ καρποῦ αὐτοῦ. Букв.: 'относительно того, не украл ли [я] тайно от плода этого'.

<p>(46)¹⁰ да ажкоже сѣде на землѣ, видаше юго и пришедшен тѣ гл҃аху к себе: что се выѣсѣшени сему да пришелъ ксть сѣмо? да др҃узѣи гл҃аху: нѣ <u>ославило</u> км҃у <u>б҃удеть</u> понѣ мало, иже в немь ксть нечѣстыи дѣхъ ‘...а другие говорили: «возможно, ему стало легче хотя бы немного от нечистого духа, который в нем»’ [ЖАЮ, 2330–2334].</p>	<p>...πρὸς ἀλλήλους ἐφθέγγοντο “Τί ἄρα ἐγένετο τῷ δαιμονιώδει τούτῳ, ὅτι ἐνταῦθα ἐλήλυθε;” Καί τινες ἔλεγον “Ἴσως ἀνέθηκεν ἐν βραχεῖ ἀπὸ τοῦ ἐπιηράζοντος αὐτὸν πονηροῦ πνεύματος” ‘возможно, ему стало легче [букв.: отложило] немного от мучающего его злого духа’.</p>
<p>(47) кгда начнетъ пѣти братъ, нанесеть [бес] емоу оуныниѣ, да ничтоже възможесть, зѣло жо окрочить его, аще <u>б҃удеть</u> <u>отг҃чавъ</u> [восточнослав. вар.: <u>отг҃чалъ</u>] <u>стомахъ</u> его от брашень [Ефр. Сир. I, 133].</p>	<p>Σφοδρότερος δὲ ἐνοχλήσει, <u>ἐὰν περ βεβάρηται</u> ὁ στόμαχος τοῦ ἀδελφοῦ ‘если отяжелело чрево брата’ ἐν βρώμασι καὶ πτόμασιν.</p>

В примерах (44)—(46) перед нами контексты с прямой речью (*plan de discours*) — типичной сферой употребления древнеславянского перфекта [Жолобов 2016; Плу́нган, Урманчиева 2017]. Использование в данных примерах футурального, а не *обычного* перфекта требует объяснения. По-видимому, появление перифразы *бждж* + *л*-форма во всех случаях связано с выражением предположительной модальности (презумптивности): ‘говорящий на основании логического умозаключения и на основе своих знаний о мире предполагает, что в настоящем имеет место / в прошлом имело место Р’.

Показательно, что в примерах (44), (46) и (47) в греческом употреблены модальные частицы (см. об этом выше). А в примере (45), совмещаясь с контекстом 1 лица, предположительность рождает эффект имплицитного отрицания ‘якобы я украл’ (об этом примере см. также [Пенькова 2014]).

В контекстах такого типа не мог употребляться древнерусский перфект, для которого во многих случаях реконструируется значение *прямой засвидетельствованности* [Жолобов 2016], несовместимое с модальностью предположительности и непрямым доступом к информации.

Таким образом, для переводчика перифраза *бждж* + *л*-форма была противопоставлена собственно перфекту модальностью предположения и иногда указанием на косвенный источник информации о ситуации.

2.3. Причастие аориста или перфекта как греческое соответствие перифразы *бждж* + *л*-форма встретилось в одном примере из древнерусской

¹⁰ Данный пример с модальной частицей в греческом комментируется выше, в п. 2.1.4.

Пчелы (48) и в пяти примерах из южнославянских переводов: в Житии Пахомия из УС, Шестоднев. Два примера с причастиями рассмотрены выше (см. примеры (17) и (36)).

(48) Ни лоукавыи погоубитъ мѣзды, <u>аже что боудеть (добро) створилъ</u> , ни бл҃гыи оуидеть мѣченыа, <u>аже что боудеть зло сътворилъ</u> , вса во Бѣ мѣрою и вѣсомъ въздакъ [Пчела, 300–301].	οὐκ ἔστι παρὰ Θεοῦ οὔτε πονηρὸν ὄντα ἀπολέσαι τὸν ἀγαθὸν μισθὸν περὶ ἐνὸς ἀγαθοῦ μετὰ πλειόνων κακῶν πεπραγμένου ‘ни будучи грешником [букв.: злым] не погубить вознаграждения за одно доброе дело из-за множества содеянных зол’ ὅτε πάλιν ἀγαθὸν ὄντα ἀπολέσαι τὴν κόλασιν καὶ μὴ λαβεῖν αὐτὴν ἢ μετὰ πλειόνων ἀγαθῶν, ἐάν τι γένηται πονηρὸν ἀνάγκη γάρ σταθμῶ καὶ ζυγῶ πάντα ἀποδοῦναι τ(ὸν) Θε(όν).
(49) <u>аще боудеши</u> коли при источьницѣ <u>стоалъ</u> и видѣлъ, како кыпить вода... [Шестоднев, III, 159].	εἴ ποτέ σοι κρήνης ἔστῳτι ‘если когда-то тебе у источника стоящему ... пришла мысль’ ἄφθονον ὕδωρ ἀναδιδούσης ἔννοια ἐγένετο...
(50) И не сѣтъ ли така лѣта си? Не оу <u>будѣтъ</u> <u>минула</u> , <u>даже</u> погыбноуѣтъ, а кмоуѣже естъ принити, то единако нѣсмъ въ нихъ, а въ нихъже есмъ, то не (оу) и оучюемъ ихъ, <u>даже</u> отъвѣгнѣтъ [Шестоднев, I, 133].	Ἦ οὐχὶ τοιοῦτος ὁ χρόνος οὗ τὸ μὲν παρελθὸν ἠφανίσθη ‘и не таково ли время, когда прошлое исчезло, а будущее еще не наступило’, τὸ δὲ μέλλον οὐπω πάρεστι, τὸ δὲ παρὸν πρὶν γνωσθῆναι διαδιδράσκει τὴν αἴσθησιν;
(51) Спѣсъ <u>вѣща</u> ран <u>глѣ</u> : <u>днѣс</u> съ мьною <u>боудеши</u> в ран, а <u>ниже</u> <u>трудоу</u> <u>дилъсе</u> <u>боудетъ</u> из дѣтска до старости Авраамъ, Исаакъ, Иаковъ, <u>толико</u> патриархъ... <u>ти</u> прѣд тѣми <u>всѣми</u> <u>прикметъ</u> <u>развонникъ</u> <u>породж</u> [Шестоднев, VI, 431].	...ὁ κοπιάσας ἐκ νέας ἡλικίας ‘ трудоуdivшийся от юности Авраам...’ Ἀβραάμ, Ἰσαὰκ, Ἰακώβ, οἱ ἐκ τούτου πατριάρχαι... Καὶ πρὸ τούτων πάντων κληρονομεῖ ὁ ληστής τὸν παράδεισον.

Примеры с причастиями распадаются на два типа: в одних причастие выполняет функцию второстепенного сказуемого ((48)—(49)), в других оно субстантивировано ((50)—(51)). В большинстве случаев второе будущее использовано переводчиком, очевидно, как средство таксиса, однако во многих примерах в славянском тексте присутствуют маркеры, сигнализирующие о возможности или предпочтительности использовать второе будущее, о которых шла речь выше: условный союз ((48)—(49)), относительное придаточное (см. выше (17)), модальная частица (см. выше (36)).

2.4. Индикатив и конъюнктив презенса — также довольно редкие соответствия славянскому второму будущему в древнерусских и южнославянских переводах (всего четыре случая, два из которых рассмотрены выше, см. примеры (39) и (41)):

(52) нъ такоже и варивь рѣкахъ (так!), вѣдѣ прже гѣавъ , нынѣ иматъ кжечьство [жжичьство] къ разоумѣ глѣ ; прилоучно же се воудетъ мънозѣмъ тъгда не слышати [Шестоднев VI, 461].	Ἀλλ', ὅπερ ἔφθην εἰπὼν, οἶδα προειρηκῶς, ἀλλὰ συγγενὲς τῇ ὑποθέσει τὸ ῥῆμα συμβαίνει δὲ τότε μὴ ἀκηκοῦναι 'слово родственно мысли, бывает же тогда не услышанным'.
(53) повелѣлъ во вѣаше еи, да сѧ преподшетъ исподи, да <u>будеть имѣла</u> сотонѹ обившасѧ около себе. 'ведь (волхв) повелел ей, чтобы она перепоясалась под одеждой, чтобы она имела сатану, обвиншегося вокруг нее' [ЖАЮ, 3636–3638].	ὤρισε γὰρ αὐτὴν τοῦ ὑποκάτω φορεῖν αὐτὴν, τούτέστιν ἵνα ἔχη τον Σατανᾶν εἰλημένον περὶ τὴν ὀσφῶν αὐτῆς 'то есть чтобы имела сатану...'

В целом соответствие *презентс* — *второе будущее*, как и соответствие *причастие презенса* — *л-форма* (см. выше), объясняется, по-видимому, грамматическим статусом *л-формы*, которая в составе этой перифразы сохраняла способность обозначать состояние или характеристику субъекта (см. также выше).

2.5. Славянское второе будущее соответствует греческому футуруму в единичных примерах из южнославянских и древнерусских переводов: в двух однотипных примерах из ЖАЮ [Пенькова 2014] и трех примерах из Иезек. [Тасева, Йовчева 1995]:

(54) аще ли се твориши второе, да третнее <u>будеши не створишь</u> [ЖАЮ, 3969–3970].	Εἰ δευτερώσεις, οὐ τριτόσει 'если сделаешь второй раз, не сделаешь в третий '.
(55) аще ли се створить второе, да третнее <u>будеть не створишь</u> [ЖАЮ, 3973–3974].	Εἰ δὲ δευτερώσει, οὐ μὴ τριτόσει 'если сделает во второй раз, не сделает в третий '.
(56) И вѣси вѣдѣщенъ тѣ вѣ странахъ оуныли вждѣтъ по тебѣ. пагоуба и не вждеши вѣ вѣкъ [Иезек. 28, 19].	Καὶ πάντες οἱ ἐπιστάμενοί σε ἐν τοῖς ἔθνεσι στυγνάσουσιν ἐπὶ σοί 'и все знающие тебя в народах опечалются '.
(57) И оунылы вждѣтъ страны многы по тебѣ и цре их оужастіа оужаснѣтъ сѧ, вънегда извлѣкѣ мечь прѣд лицемъ их [Иезек. 32, 10].	Καὶ στυγνάσει ἐπὶ σὲ ἔθνη πολλὰ 'и опечалются по тебе многие народы', καὶ οἱ βασιλεῖς αὐτῶν ἐκστάσει ἐκστήσονται, ἐν τῷ ἐκπλάσαι με ῥομφαίαν μου κατὰ πρόσωπον αὐτῶν.

(58) Въси живѣщенъ въ островѣхъ оуныли бѣдѣтъ по тебѣ, и црѣ ихъ оужастѣа оужаснѣтъ сѧ [Иезек. 27, 35].	Κατοικοῦντες τὰς νήσους στυγνάσουσιν ἐπὶ σὲ ‘населяющие острова опечалются о тебе ’, καὶ βασιλεῖς αὐτῶν ἐκστάσει ἐκστήσονται.
--	---

2.6. Инфинитив. Инфинитив презенса переведен формой второго будущего только в единственном примере из ЖАЮ:

(59) да се нына азъ тѧ оустрою, да бѣдѣши к томѣ не крадѣ николиже ‘сейчас я тебе сделаю (так), чтобы ты не крал отныне никогда’ [ЖАЮ, 2670–2671].	Ἴδοῦ οὖν τέως ἐγὼ σοὶ δεῖξω μηκέτι κλέπτειν ‘я тебя заставлю больше не красть ’.
---	--

В южнославянских текстах встречаются переводы греческого **инфинитива аориста** славянским вторым будущим. В примерах (60)–(61) славянская перифраза используется как средство выражения таксиса — предшествования по отношению к другой ситуации:

(60) прѣклонитъ сѧ и падетъ, егда оубо бѣдѣтъ оубогимъ [Син. Пс., 14].	...κύψει καὶ πεσεῖται ἐν τῷ κατακυριεῦσαι τῶν πενήτων ‘когда возобладает над бедными’ [Sept. Ps 9, 31].
(61) аще ключитъ сѧ да бѣдѣтъ сѣгнило въпадъшее, достонтъ пролиѣти [Син. евх., 20b].	εἰ δὲ συμβῆ τὸ ἐμπесὸν ἀκάθαρων χρονίσει ἐν τῷ ἀγγεῖῳ τοῦ οἴνου ἢ τοῦ ἐλαίου ὥστε συσσαπῆναι ‘так что сгнило [букв.: сгнить]’, ἐκχεέσθω ὁ οἶνος...
(62) Идоуѣма же има въспати и поустиста къ прѣдвѣнѣмѣ, въздающа емоу нарѣчѣе, тако да не бѣдѣши былъ ни сѣдѣлъ ни на квемъже манастирьстѣ селѣ [Мин. Чет. Февр., 64].	Στέλλουσι γὰρ εἰς τοῦπίσω τινὰ πρὸς τὸν ὄσιον, τοῦ μὴ δεῖν, φησίν, δηλοποιοῦντες ἐν τινὶ τῶν τῆς μονῆς σου καταγωγίων αὐλίξεσθαι ‘не следует тебе ни в одном из монастырских домов останавливаться ’ [PG 105, 909].

2.7. Имперфект в греческом, переведенный в славянском вторым будущим, встретился только в двух примерах — из ЖАЮ и Шестоднева:

(63) а егда кто люво утвержетьсѧ дѣлъ вашихъ, еже бѣдѣтъ дѣлѣ прѣже, како то терпѣтъ [ЖАЮ, 5924–5925].	Ὅταν τις ἀρνήσεται τὰ πάθη ὑμῶν ὧν πρῶτον κάτοχος ἐχρημάτιζεν καὶ προσέληθι διὰ μετανοίας Θεῶ, πῶς φέρεται; букв.: ‘с тех пор как кто-нибудь отречется от страстей ваших, обладателем каковых прежде был... ’
(64) он бѣдѣтъ втедѣ ѡбогѣмоу имѣнникъ, а ты пакы того пограбиль и	ἐκεῖνος εἶχε τὰ τοῦ πένητος ‘тот присвоил принадлежащее бедному...’ σὺ

съ тѣмъ къ своѣмоу имѣнню приложиши [Шестоднев, V, 57].	τοῦτον λαβὼν μέρος ἐποιήσω τῆς περιουσίας σεαυτοῦ.
--	---

Возможно, использование предбудущего здесь связано именно с таксисной функцией славянской перифразы, передающей греческий имперфект в плюсквамперфектном значении [Blass et al. 1990: 271]. Очевидно, ни славянский имперфект, ни плюсквамперфект не были для переводчика естественными в данных контекстах. Плюсквамперфекту в (63) воспрепятствовала, вероятно, его способность употребляться в значении отмененного результата или прекращенной ситуации (см. [Сичинава 2013]). В целом, однако, конкретные выводы о соответствии *имперфект* — *предбудущее* сделать сложно и надежнее всего признать его частным переводческим решением или вовсе случайным явлением. Однако показательно присутствие таких обсуждавшихся выше маркеров, как относительное придаточное (63) и сопоставление (64), ср. также выше пример (40).

Выводы

В древнеславянской переводной литературе перифраза *бждж* + *л*-форма могла переводить следующие греческие структуры: аналитический футуральный перфект, аналитический конъюнктив перфекта, индикатив и конъюнктив аориста, в том числе в сочетании с событийным именем существительным или прилагательным, причастие аориста или перфекта, индикатив перфекта, индикатив и конъюнктив презенса, причастие аориста и презенса в сочетании с будущим временем глагола, футурум, имперфект и инфинитив презенса или аориста.

Наибольшим разнообразием славяно-греческих соответствий характеризуются ЖАЮ (8 типов из 11-ти) и Шестоднев (5 типов из 11-ти). Отличия преславского корпуса от древнерусского в этом отношении минимальны и связаны прежде всего с особенностями перевода контекстов, содержащих греческие модальные частицы. Если в южнославянских переводах с греческого конструкции *глагольная форма* + *частица* *ἄν* / *ἄρα* / *ἄρα* или *ἴσως* могут быть переданы с помощью перифразы *бждж* + *л*-форма без введения модальных частиц в славянский фрагмент, то в древнерусских переводах греческие модальные частицы всегда переводятся соответствующими славянскими частицами при втором будущем.

Другим частным отличием южнославянских переводов от древнерусских является возможность передачи вторым будущим греческих инфинитивов аориста. Остальные типы славяно-греческих соответствий являются общими для южнославянских и древнерусских переводов.

Из всего многообразия греческих соответствий на первый взгляд сложно выделить четкую систему, однако можно разглядеть некоторую иерархию семантических компонентов в тексте оригинала: грамматические значения, которыми переводчик не пренебрегает, и грамматические значения,

которые являются для переводчика необязательными, факультативными и, как правило, утрачиваются при переводе. Второе будущее служило прежде всего для передачи различных аспектуальных и модальных значений (эпистемической возможности или необходимости) и лишь изредка становилось средством передачи значений темпоральных или таксисных.

Основным соответствием славянской перифразы *бждж* + *л*-форма в греческом тексте служит индикатив аориста. Этому факту можно предложить несколько объяснений.

Греческо-славянские соответствия *аорист* — *футуральный перфект* (*второе будущее*) могут быть связаны с экспансией аориста в среднегреческом языке в зоне перфекта. В [Судакова 1989: 11–14] показано, что при переводе Евангельского текста с греческого на старославянский в 80% случаев форма славянского перфекта соответствует греческому аористу, и только в 20% случаев славянский перфект соответствует своему греческому аналогу.

Можно выделить и более частные признаки контекстов, для которых характерно такое греческо-славянское соответствие: *футуральный контекст* (референция к будущему), *условный союз*, *относительное придаточное с условной семантикой*, *контекст общего вопроса*, *модальные частицы*. Большинство этих типовых ситуаций объединены контекстом снятой утвердительности и связаны с выражением эпистемической возможности или необходимости, чем и вызвано появление в них славянского предбудущего.

Конструкция *бждж* + *л*-форма в сознании славянского переводчика не была средством референции к будущему: перевод греческого футурально-го перфекта и футурума, в том числе в сочетании с причастием, славянским вторым будущим, встречается в южнославянских и древнерусских переводах лишь спорадически. Категория времени как одна из категорий глагола, по-видимому, в данном случае не играла для переводчика существенной роли. В целом перевод рассмотренных греческих конструкций с помощью перифразы *бждж* + *л*-форма можно охарактеризовать как функциональный, соответствующий принципу *sensum de sensu*, а не *verbum de verbo* и передающий в первую очередь конкретные функционально-семантические категории глагольных форм оригинала и лишь в последнюю очередь — структурное подобие.

Предбудущее в сознании славянского переводчика не было и основным средством таксиса, хотя изредка употреблялось именно в такой функции: примеров с причастием аориста/перфекта или инфинитива аориста в греческом всего 9 из 74-х.

Л и т е р а т у р а

Горшкова, Хабургаев 1997 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1997.

Дуриданов 199 — Граматика на старобългарския език / Под ред. И. Дуриданова. София, 1991.

Жолобов 2016 — О. Ф. Жолобов. Функционирование сложных претеритов в памятниках древнейшей поры // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 158, кн. 5. 2016. С. 1234–1245.

Кузнецов 1953/2005 — П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 2005.

Мирчев 1968 — К. Мирчев. Към историята на бъдеще предварително (*futurum exactum*) в български език // Известия на Института за български език. 1968. № 16. С. 357–362.

Мирчева 2001 — Е. Мирчева. Нови данни за употребата и значението на бъдеще предварително в българския език // Език и история на българските средновековни текстове. Сборник в чест на Екатерина Дограмаджиева. (Кирило-Методиевски студии, кн. 14). София, 2001. С. 146–151.

Пенькова 2012 — Я. А. Пенькова. Фinitные образования от основы *буд-* в языке памятников русской письменности XII — первой половины XVI вв. (морфология, семантика, синтаксис). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012.

Пенькова 2014 — Я. А. Пенькова. К вопросу о семантике так называемого будущего сложного II в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого») // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 150–184.

Пенькова 2015 — Я. А. Пенькова. Об одном маргинальном употреблении императивных форм в восточнославянских памятниках // *Slověne = Slověne: International Journal of Slavic Studies*. 2015. № 2. Vol. IV. P. 147–158.

Пенькова 2016 — Я. А. Пенькова. Семантика славянского второго будущего и некоторые типологические параллели // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. Вып. 10. С. 475–488.

Пенькова 2017 — Я. А. Пенькова. К истории славянского второго будущего: пути семантической эволюции // *Die Welt der Slaven*. 2017. № 2 (62). S. 247–275.

Пенькова 2018 — Я. А. Пенькова. От ретроспективности к проспективности: грамматикализация предбудущего в языках Европы // Вопросы языкознания. 2018. № 2. С. 53–70.

Петрухин 2016 — П. В. Петрухин. Конструкция ‘*быти* с причастием настоящего времени’: древнерусский узус и библейская традиция // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. Вып. 9 (История русского языка и культуры. Памяти В. М. Живова). М., 2016. С. 179–207.

Пиккио 2003 — Р. Пиккио. *Slavia orthodoxa: Литература и язык*. М., 2003.

Пичхадзе 2011 — А. А. Пичхадзе. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.

Плунгян, Урманчиева 2017 — В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. Перфект в старославянском: был ли он результативным? // *Slověne = Slověne: International Journal of Slavic Studies*. 2017. № 2. С. 13–56.

Силина 1995 — В. Б. Силина. Глагол // В. В. Иванов, С. И. Иорданиди, Л. В. Вялкина, Т. А. Сумникова, В. Б. Силина, В. Б. Крысько. Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995.

Сичинава 2008 — Д. В. Сичинава. «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // Исследования по теории грамматики 4: Грамматические категории в дискурсе / В. А. Плунгян, В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева (ред.). М., 2008. С. 241–244.

Сичинава 2013 — Д. В. С и ч и н а в а. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.

Скачедубова 2016 — М. В. С к а ч е д у б о в а. О некоторых особенностях функционирования *-л*-формы в Ипатьевской летописи // Язык, сознание, коммуникация. Сборник научных статей, посвященный памяти Надежды Васильевны Котовой и Ольги Александровны Ржанниковой / В. В. Красных, А. И. Изотов (ред.). М., 2016. С. 78–83.

Славятинская 2003 — М. Н. С л а в я т и н с к а я. Учебник древнегреческого языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003.

Соболевский 2000 — С. И. С о б о л е в с к и й. Древнегреческий язык. СПб., 2000.

Судакова 1989 — А. Н. С у д а к о в а. Старославянский перфект и его греческие соответствия. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 1989.

Тасева, Йовчева 1995 — Л. Т а с е в а, М. Й о в ч е в а. Преводачески особености в Книга на пророк Иезекиил по ръкопис F.I.461 от Руската национална библиотека. Palaeobulgarica = Старобългаристика. 1995. № 4. С. 40–52.

СлРЯ IV — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. IV / С. Г. Бархударов (ред.). М., 1977.

СлРЯ XI — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. XI / Д. Н. Шмелев (ред.). М., 1986.

Bláhová 2012 — E. B l á h o v á. Staroslověnské ekvivalenty řeckého ův // Slavia. 2012. № 2 (81). S. 255–267.

Blass et al. 1990 — F. B l a s s, A. D e b r u n n e r, F. R e h k o p f. Grammatik des neutestamentlichen Griechisch. Göttingen, 1990.

Caragounis 2004 — C. C. C a r a g o u n i s. The development of Greek and the New Testament. Tübingen, 2004.

Hauptová 2008 — Z. H a u p t o v á. Tak zvané futurum exactum v staroslověnském překladu Besěd Řehoře Velikého // Varia Slavica. Sborník příspěvků k 80. narozeninám Radoslava Večerky / I. Janyšková, H. Karlíková, R. Večerka (eds.). Praha, 2008. S. 95–101.

Lépissier 1960 — J. L é p i s s i e r. Le futur antérieur en vieux slave // Revue des études slaves. 1960. № 37. P. 90–100.

Matthiae 1837 — A. M a t t h i a e. A copious Greek Grammar by Augustus Matthiae / transl. from the German by E. W. Blomfield. II. London, 1837.

Van Schooneveld 1959 — C. H. v a n S c h o o n e v e l d. A semantic analysis of the Old Russian finite preterite system. Hague, 1959.

Источники

Александрия — В. М. И с т р и н. Александрия русских хронографов. Исследование и текст // Чтения Общества истории и древностей Российских. 1894. Кн. 1. Отд. III; Кн. 2. Отд. II. Греч.: Arrianus. Fragmenta scriptorum de rebus Alexandri M. Pseudo-Callisthenes. Parisiis, 1846.

Апост. Христ. — «Христинопольский» (или «Городисский») апостол. Aem. Ka-
lužniacki. Actus epistolaeque Apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christino-
politani saeculo XII-o scripti. Vindobonae, 1896.

Ефр. Сир. — G. B o j k o v s k y, R. A i t z e t m ü l l e r. Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers, III // Monumenta linguae slavicae

dialecti veteris. Fontes et dissertationes. XX (3) / R. Aitzetmüller, L. Sadnik, E. Weiher (eds.). Freiburg i. Br., 1987.

ЖАЮ — А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

ЖФП — Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.

Златоустр. — Т. Георгиева. Златоуструй от XII век. Силистра, 2003.

Иезек. — Л. Тасева, М. Йовчева. Книга на пророк Иезекиил с тълкования. (Старобългарският превод на Стария завет, 2). София, 2003

Изб. 1076 г. — М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Голышенко. Изборник 1076 года / Под ред. А. М. Молдована. Т. I—II. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2009.

ИИВ — А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. «История иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. I—II. М., 2004.

Кир. Иерус. — Поучения огласительные Кирилла Иерусалимского. Рукоп. ГИМ, Син. 478. XI—XII вв.

Кн. Иова — И. Христова-Шомова. Книга Иов с тълкования в славянския превод. София 2007.

Мин. Чет. Февр. — Миняя четья за февраль. Рукоп. РГБ, ф. 173/1 (МДА Фунд.), № 2. 1°, л. 1–356, перв. четв. XV в.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 23.10.2017).

Панд. Ант. — J. P o r o v s k i. The Pandects of Antiochus. Slavic Text in Transcription // Полата књигописна. An Information Bulletin Devoted to the Study of Early Slavic Books. Texts and Literatures, 1989. P. 23–24.

Патерик Син. — В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. Синайский патерик / Под ред. С. И. Коткова. М., 1967.

Пчела — А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. «Пчела». Древнерусский перевод. Т. I–2. М., 2008.

Син. евх. — J. Frček. Euchologicum Sinaiticum. Texte slave avec sources grecques et traduction // Patrologia Orientalis. Vol. 24. Paris, 1933; Vol. 25. Paris, 1943.

Син. пс. — Синайская псалтырь. MSC, Cod. Sin. slav. 3/N. URL: <http://www.manuscripts.ru> (дата обращения: 23.10.2017).

Смирнов — И. М. Смирнов. Синайский патерик в древне-славянском переводе. Сергиев Посад, 1917.

Супр. — Й. Заимов, М. Капалдо. Супрасльски или ретков сборник. Т. I—II. София, 1982.

УС — Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

Шестоднев — R. A. Aitzetmüller. Das Hexaemeron des Exarchen Johannes. T. I—VII. Graz, 1958.

De Virg. — A. Vaillant. De Virginitate de saint Basile. Texte vieux-slave et traduction française. Paris, 1943.

NT — Novum Testamentum Graece / B. and K. Aland (eds.). Stuttgart, 1993.

PG — J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus 38, 41, 50, 59, 87, 89, 105. Paris, 1862.

Sept. — Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes edidit Alfred Rahlfs. Duo volumina in uno. Stuttgart, 1999.

Резюме

Статья посвящена предбудущему времени в древнеславянских переводах с греческого. Особое внимание обращено на типы структурных соответствий славянскому предбудущему в греческом, что позволяет выявить особенности грамматической семантики славянского предбудущего, как правило, не калькирующего греческие структуры. Перевод греческих конструкций с помощью славянского предбудущего можно назвать функциональным. Самым частотным греческим соответствием славянской конструкции является индикатив аориста, что объясняется, с одной стороны, экспансией аориста в семантической зоне перфекта, а с другой стороны, – определенными особенностями оригинала, такими как *aorist pro futuro*, контекст условного или относительного придаточного, контекст общего вопроса, наличие модальных частиц. Таким образом, славянское предбудущее значительно чаще служило для передачи аспектуальных и модальных значений (эпистемической возможности и необходимости), чем для выражения темпоральных или таксисных значений.

Ключевые слова: предбудущее, футуральный перфект, средневековые древнерусские переводы с греческого, средневековые южнославянские переводы с греческого, церковнославянский язык.

Получено 28.01.2018

YANA A. PEN'KOVA

THE SLAVIC FUTURE ANTERIOR AND ITS GREEK CORRESPONDENCES IN TRANSLATED MEDIEVAL CHURCH SLAVONIC MONUMENTS

The paper is devoted to the Slavic future anterior in Church Slavonic texts translated from Greek. Special attention is given to the structure of Greek correspondences, which helps elucidate grammatical-semantic properties of the Slavic future anterior, since it rarely calques Greek structures. The translation of Greek constructions by means of the Slavic future anterior can be regarded as functional. The most frequent Greek correspondent of the Slavic future anterior is the indicative aorist. This can be accounted for, on the one hand, by the expansion of aorist into the semantic zone of the perfect in the Middle Greek and, on the other hand, by the contexts in which Slavic future anterior is used to translate a Greek aorist, such as: the so-called *aorist pro futuro*, conditional or relative clause, general question, presence of modal epistemic particles. Consequently, the Slavic future anterior more often served to convey aspectual and modal meanings (epistemic possibility or necessity) than to express temporal or tactic meanings.

Keywords: future anterior, future perfect, aorist, Medieval Old Russian translations from Greek, Medieval South Slavic translations from Greek, Church Slavonic language.

Received on 28.01.2018